

Г.Л. Князева, А.Б. Печерская , М.А. Антонова

**Освоение фортепианного цикла
Мориса Равеля «Ночной Гаспар» в русле
взаимодействия текстовой и внетекстовой
информации произведения**

В статье представлен методико–исполнительский анализ популярного программного произведения М. Равеля – фортепианного цикла «Ночной Гаспар». Показаны технические и драматургические сложности исполнения этого произведения. Раскрываются связи нотного текста и поэтической программы, воплощенные в выразительных средствах и структуре композиции. Намеченная взаимосвязь текстовой и внетекстовой информации призвана сделать работу пианиста над интерпретацией «Ночного Гаспара» более продуктивной и творческой.

Ключевые слова: программная музыка, Морис Равель, «Ночной Гаспар», фортепиано, текст, внетекстовая информация, исполнительские задачи.

Музыка Мориса Равеля неизменно пользуется горячей любовью слушателей и не перестает привлекать внимание исполнителей и исследователей. Тем не менее, нельзя утверждать, что вопросы, связанные с интерпретацией произведений М. Равеля, решены раз и навсегда. К примеру, однозначно определить, к какому стилистическому направлению принадлежит музыка композитора, затруднительно. Общепризнанно, что он испытал влияние К. Дебюсси и развил импрессионистический метод в области гармонии и музыкальной колористики («Игра воды», «Отражения»), в то же время, в некоторых произ-

ведениях он выступил как неоклассицист («Гробница Куперена»), конструктивист (фортепианный концерт G-dur), экспрессионист («Виселица»). Стиль М. Равеля универсален, сочетает в себе смелое новаторство и обращение к классическим традициям (французских клавесинистов, романтиков и композиторов русской школы) [1, с. 50]. Современники вспоминали, что М. Равель избегал рассуждений об искусстве, оберегая свою творческую лабораторию даже от самых близких людей. На вопросы о музыке порой отвечал загадочными фразами или ошеломляющими парадоксами, настаивал на самостоятельности музыкальных средств выразительности. Немногочисленные высказывания композитора о своих произведениях и свидетельства музыкантов-исполнителей, которым посчастливилось работать с автором, представляют огромную ценность. Поэтому необходим тщательный всесторонний анализ как самой музыки, так и документов о ней, и идейного содержания творчества композитора в целом.

В изучении музыкального произведения можно выделить две содержательные области – текст и внетекстовую информацию. К сфере текстовой информации, по мнению исследователей, относятся структура и форма произведения, особенности его языка – мелодики, гармонии, ритма, а также авторские указания темпа, динамики, характера исполнения [2, с. 348]. Эта область вмещает все, что удастся извлечь из авторского текста, зафиксированного в нотах. К области внетекстовой информации относится то, что помогает адекватно интерпретировать нотную запись (сведения о композиторе, историческом и культурном фоне его творчества, господствовавшем в то время исполнительском стиле, существующих подходах к интерпретации данной музыки и т.п.). Синтез данных текста и компонентов внетекстовой информации формирует в сознании музыканта-исполнителя личностный смысл сочинения, отражающий замысел автора и способствующий его творческой интерпретации [3]. Содержательное пространство музыки поистине бесконечно и не ограничивается формальной нотацией. Осмысление текстовых, звуковых, эстетических, исторических, культурологических особенностей музыкального произведения обеспечивает глубокое интеллектуальное и психоэмоциональное проникновение исполнителя в его суть, вы-

работку исполнительской модели, наиболее точно отражающей авторскую идею сквозь призму мировосприятия исполнителя [4, с. 143]. По воспоминаниям пианиста Рикардо Виньеса, преданного популяризатора музыки М. Равеля, работу с музыкантом композитор начинал словами «Играй как хочешь», а потом заставлял повторять такт за тактом, пока не добивался полного соответствия своему замыслу [5, с. 67]. Попробуем же рассмотреть фортепианный цикл «Ночной Гаспар» в единстве текстовой и внетекстовой информации и выявить подходы к его исполнительской интерпретации.

«Ночной Гаспар» – произведение программное, основанное на развернутых эпиграфах–цитатах. Текст эпиграфов взят из сборника французского поэта–романтика Алоизиуса Бертрана (1807–1841), малоизвестного при жизни, но получившего широкую известность в символистских кругах на рубеже XIX–XX веков и провозглашенного впоследствии предтечей сюрреализма. Особенности композиторского метода реализации поэтической программы можно понять из слов М. Равеля, обращенных к Ж. Ренару, автору другого его цикла, «Естественных историй», о намерении «сказать средствами музыки то, что Вы говорите словами...» [6, с. 413]. Аналогично и текст стихотворений в прозе А. Бертрана, предпосланный каждой из пьес триады, находит выражение в музыке, вплоть до некоторых характерных подробностей. Обращает на себя внимание подзаголовок «Фантазии в манере Рембрандта и Калло», отсылающий не только к французскому граверу XVI в., автору саркастических, гротескных фантастических образов, но и – опосредованно – к «Крейслериане» Э.–Т.–А. Гофмана и к парадийно–траурному маршу из I–й симфонии Г. Малера. Эти параллели ясно указывают на иронию и сарказм. Известно, что как–то в дружеском разговоре М. Равель сказал о заключительной пьесе цикла, «Скарбо»: «Я хотел сделать карикатуру на романтизм», и тотчас же добавил, шепотом: «Возможно, и сам поддался ему» [7, с. 30]. Это важное признание приоткрывает завесу над внутренним миром художника...

Изысканные и причудливые стихотворения в прозе создают мрачную атмосферу тайны, недосказанности и экзальтации. Программно–изобразительные и выразительные задачи потребовали воплощения в средствах высшей степени исполни-